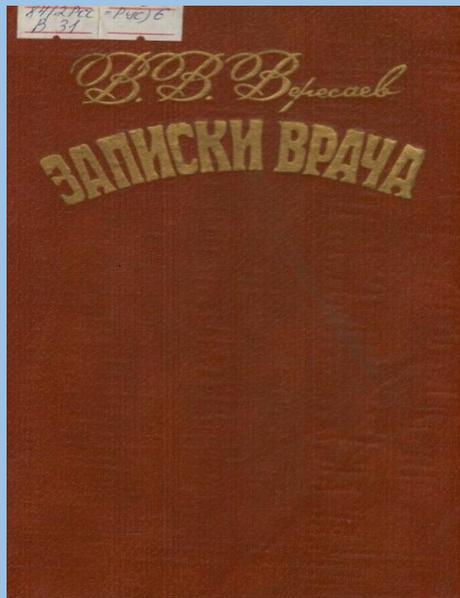

Писатели о профессии врача

Выставка из серии «О профессии расскажет книга»

«То, к чему мы стремимся, уже потому необычайно трудно, что мы работаем для человечества над самым трудным материалом, именно – над человеком».

Из письма Бильрота к проф. Гису (1893 г.)

Вересаев, В. В. Записки врача : повесть / В. В. Вересаев. – Красноярск : Книжное издательство, 1985. – 224 с.

Эта повесть о том, как молодой врач, испытывая трудности, чувствует себя беспомощным, неопытным в лечении больных. После гибели пациентки он боится оперировать, но только ответственность за свой труд и постоянная практика придают смелости для исследований и поисков решений в лечении больных.

По поводу «записок врача»

[Ответ моим критикам]

«Was wir zu schaffen strehen, ist schon dadurch ungemein schwierig, weil wir da mit dem schwierigsten Material, nämlich mit Menschen für die Menschheit arbeiten»¹.

Из письма Бильрота к проф. Гису (1893 г.)

Опубликованные мною «Записки врача» вызвали в печати большое количество отзывов и возражений со стороны товарищей врачей. Часть этих отзывов носила, к сожалению, характер чисто личных нападок, ни по содержанию, ни по тону не имевших ничего общего с критикой. Вместо того чтоб разбирать книгу по существу, главное свое внимание «критики» обратили на меня самого: тщательнейшим образом старались, напр., выяснить вопрос, что могло меня побудить написать мою книгу. По мнению д-ра М. Камнева, мотивы были вот какие: «Ругать не только легче, чем хвалить, но и выгоднее. Это, кажется, еще Белинский сказал. Что в том, что вы будете хвалить Шекспира? Его все хвалят. Но попробуйте ругать Шекспира, и вы сразу станете центром общего внимания: «Шекспира не признает... Должно быть, голова...»². По мнению «Медицинского обозрения», целью моею было щегольнуть перед публикою своим «мягким сердцем»: все время непрерывное «позирование», «красивые фразы», «жалкие слова, рассчитанные на эффект в публике». Рассказываю я, напр., об обезьяне, на которой я делал опыты. «К чему эти трогательные странички для публики? — спрашивает рецензент. — Чтобы увеличить количество антививисекционистов или же только затем, чтоб показать: смотрите, — я экспериментирую сердечно, даже со слезами, а другие, менее меня «мягкосердечные», мучают животных без сострадания и не могут написать такого трогательного мартиролага»³. Самого меня разобрали по косточкам и неопровержимо доказали, что я — человек бесчестный и необыкновенно развязный⁴, «дикарь» с громадным самомнением,

несомненным эгоизмом, с повышенной половую раздражительностью, носящий в себе все признаки вырождения»¹.

Сколько озлобления и негодования вызвала книга в некоторой части врачебного сословия, хорошо показывает письмо одного врача, напечатанное в № 5501 «Одесских новостей».

«Г. Редактор! — пишет этот врач. — Вы выражаете желание иметь перед глазами серьезный отзыв о книге Вересаева. Прочтите «Врачебную газету» за прошлый месяц: там помещен чудный фельетон, в котором достаточно ясно доказано, что каждый порядочный врач относится с презрением к дегенерату Вересаеву. Печально, что в наше время является такой фрукт, позорящий медицинское сословие; к счастью, между врачами почти нет разногласия на этот счет»².

Подобные отзывы слишком характерны, чтоб не быть отмеченными, но отвечать на них, разумеется, нечего. Перехожу к отзывам и возражениям, имеющим предметом мою книгу.

Возражения эти носят в общем поразительно однообразный характер и совершенно лишены индивидуальности: можно бы, изрезав статьи в куски, перетасовать их самым причудливым образом, и получились бы новые статьи, по сути своей нисколько не отличающиеся от прежних. Ясно, что перед нами — нечто типическое, общее большому количеству врачей, и возражать приходится не против того или другого автора, а против целого мирозерцания, целого душевного уклада, одинаково выражающегося в многочисленных статьях моих русских, немецких, французских, английских и итальянских критиков.

За основу своих возражений я возьму направленную против «Записок» работу д-ра Н. В. Фармаковского, первоначально напечатанную во «Врачебной газете» и вышедшую затем отдельным изданием («Врачи и общество», СПб., 1902). Работа эта — наиболее обширная и систематическая, она представляет не ряд отрывочных возражений, а шаг за шагом рассматривает все главы «Записок». Благодаря этому и мирозерцание самого автора вырисовывается особенно ярко. Кое-где я буду дополнять его работу выдержками из статей других моих оппонентов.

I

Прежде всего следует отметить несколько замечаний, относительно которых я вполне согласен с моими оппонентами. Так, они

¹ «То, к чему мы стремимся, уже потому необычайно трудно, что мы работаем для человечества над самым трудным материалом, именно — над человеком».

² Ежедельник «Практической медицины», 1901, № 17, стр. 299.

³ Медицинское обозрение, 1902, № 2. Рец. г-на Алелекова.

⁴ Медицинское обозрение, 1 с.

тых свистом и протестами... На эстраду вышел некто доктор Рубель. Он говорил, что служил вместе с вами, и энергично протестовал против обвинения вас в бездарности как врача; наоборот, говорил, что вы талантливы, что о вашем уходе из больницы сожалеют, что вы и не думали бросить практики. Возмущался против такого отношения к товарищу с принципиальной точки зрения и доказывал, что вы совершенно правы, утверждая, что университет и клиника ничему не выучивают. Его бесхитростную, не особенно гладкую, но горячую речь встретили такими бурными аплодисментами, что настроение публики не допускало никаких сомнений. Ему аплодировали минут пять. Он сошел, сел в третьем ряду. Публика смолкла. Потом вдруг опять стала аплодировать. А какие у всех были взволнованные лица!

Но описать не могу, в какой экстаз привела публику речь д-ра Долгополова. И что это была за речь! Этот Долгополов всю юность провел в ссылке, в Сибири, а потом до седых волос (ему не больше пятидесяти лет, но он смотрит развалиной) работает в земстве. Он земский врач, на съездах пользуется огромной популярностью, его постоянно выбирают в председатели собраний врачей. С первых его фраз, сказанных тихим, болезненным, но дрожащим от волнения и страстности голосом, все нервы как-то дрогнули и натянулись. В большом зале настала такая тишина, что не только его слова были слышны, а даже хрип при некоторых его вздохах, а он ужасно задыхался говоря. И это волнение захватывало. Я лично даже не знала, кто он. По тому почету, с каким члены-учредители кружка обратились к нему, прося занять место, только все догадывались, что это — сила общепризнанная.

Он начал с того, что его, как провинциала (он говорил с заметным акцентом на «о»), глубоко поражает и возмущает один тот уже факт, что собравшаяся здесь лучшая часть московской интеллигенции могла выслушать в глубоком молчании такую позорную клевету на врача и писателя, такие обвинения в шарлатанстве, лжи и т. п. только за то, что человек обнажил перед нами свою душу и рассказывал, через какой ряд сомнений и ужасов он прошел за эти годы. «Я не знаю, какое нужно иметь узкое, ограниченное, крохотное мирозерцание, чтобы во всей книге выискивать

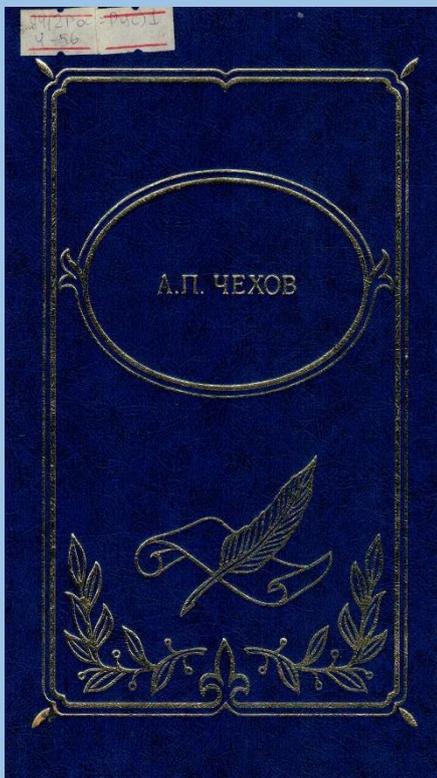
только мелочи, к которым бы можно было придраться, и останавливаться на них, превратно их толкуя!» В публике взрыв хохота, все глядят на медный лоб Приклонского. Но он самонадеян и непоколебим. Совсем ослиная шкура!

Словом, всем по делам досталось, и публике, и референту. В этой вдохновенной речи Долгополов коснулся и этической и общественной стороны книги, указывал на ее огромное значение не только сейчас, но и для дальнейшего. Память о впечатлении этой речи, об общем захвате публики, о собственном чувстве подъема, смею сказать — экстаза, охватившего меня, не забудется никогда. Помню еще, что он ваше имя поставил рядом с именем Пирогова. Несколькими раз его прерывали аплодисментами. А что потом было, когда он сошел с эстрады, кончив речь, я описать не могу. Многие соскакивали с мест, чтобы его видеть, пока он садился в первый ряд. Адвокат Сахаров кинулся с эстрады к нему вниз, тряс ему обе руки и прерывающимся голосом говорил что-то бессвязное. А я его знаю за человека очень сухого, черствого даже.

Какой был подъем, какое волнение! Точно плотина какая-то невидимая прорвалась, спавшие чувства общей солидарности вырвались наружу. Все себя почувствовали близкими и к вам, и к этому защитнику вашему, и друг к другу. Это было хорошо!

Все, что говорилось потом, было слабее и незначительнее по содержанию, но публика соскочила с рельсов и на все реагировала с удивительной страстностью. Выступил молодой доктор медицины Никольский, довольно известный москвичам. Тон его речи был необычайно ядовит по отношению к Приклонскому и насмешлив. Он удивлялся, где референт окончил курс, что, кончая, считал себя уже вполне готовым на всякие случайности. Где почерпнул он такой опыт? Доказывал, что больше пятнадцати больных ни один студент не имеет возможности наблюдать в клинике; многим не удается даже нарыва разрезать. Потом еще кто-то говорил. Но было уже два часа, и я уехала. Не хотелось ослаблять какими-нибудь вялыми речами впечатление от слов Долгополова.

Письмо, мне кажется, хорошо отражает ту атмосферу, в которой происходили тогдашние споры. Отмечу одну черту: против докладчика выступали тоже врачи. И вообще

Чехов, А. П. Случай из практики : рассказ/ А. П. Чехов //Собрание сочинений в двух томах. - Москва, 2001. - Т. 1. - С. 499-509.

В рассказе автор показывает, что врач лечит не только тело, но и душу.

Случай из практики

Профессор получил телеграмму из фабрики Ляликовых: его просили поскорее приехать. Была больна дочь какой-то госпожи Ляликовой, по-видимому, владелицы фабрики, и больше ничего нельзя было понять из этой длинной, бестолково составленной телеграммы. И профессор сам не поехал, а вместо себя послал своего ординатора Королева.

Нужно было проехать от Москвы две станции и потом на лошадях версты четыре. За Королевым выслали на станцию тройку; кучер был в шляпе с павлиньим пером и на все вопросы отвечал громко, по-солдатски: «Никак нет!», «Точно так!» Был субботний вечер, заходило солнце. От фабрики к станции толпами шли рабочие и кланялись лошадям, на которых ехал Королев. И его пленял вечер, и усадьбы, и дачи по сторонам, и березы, и это тихое настроение кругом, когда, казалось, вместе с рабочими теперь, накануне праздника, собиравшись отдохнуть и поле, и лес, и солнце, — отдыхать и, быть может, молиться...

Он родился и вырос в Москве, деревни не знал и фабриками никогда не интересовался и не бывал на них. Но ему случалось читать про фабрики и бывать в гостях у фабрикантов и разговаривать с ними; и когда он видел какую-нибудь фабрику издали или вблизи, то всякий раз думал о том, что вот снаружи все тихо и смир-

«Хорошо чувствует себя здесь только одна гувернантка, и фабрика работает для ее удовольствия. Но это так кажется, она здесь только подставное лицо. Главный же, для кого здесь все делается,— это дьявол».

И он думал о дьяволе, в которого не верил, и оглядывался на два окна, в которых светился огонь. Ему казалось, что этими багровыми глазами смотрел на него сам дьявол, та неведомая сила, которая создала отношения между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничем не исправишь. Нужно, чтобы сильный мешал жить слабому, таков закон природы, но это понятно и легко укладывается в мысль только в газетной статье или в учебнике, в той же каше, какую представляет из себя обыденная жизнь, в путанице всех мелочей, из которых сотканы человеческие отношения, это уже не закон, а логическая несообразность, когда и сильный и слабый одинаково падают жертвой своих взаимных отношений, невольно покоряясь какой-то направляющей силе, неизвестной, стоящей вне жизни, посторонней человеку. Так думал Королев, сидя на досках, и мало-помалу им овладело настроение, как будто эта неизвестная, таинственная сила в самом деле была близко и смотрела. Между тем восток становился все бледнее, время шло быстро. Пять корпусов и трубы на сером фоне рассвета, когда кругом не было ни души, точно вымерло все, имели особенный вид, не такой, как днем; совсем вышло из памяти, что тут внутри паровые двигатели, электричество, телефоны, но как-то все думалось о свайных постройках, о каменном веке, чувствовалось присутствие грубой, бессознательной силы...

И опять послышалось:

— Дер... дер... дер... дер...

Двенадцать раз. Потом тихо, тихо полминуты и — раздается в другом конце двора:

— Дрын... дрын... дрын...

«Ужасно неприятно!» — подумал Королев.

— Жак... жак... — раздалось в третьем месте отрывисто, резко, точно с досадой, — жак... жак...

И чтобы пробить двенадцать часов, понадобилось минуты четыре. Потом затихло; и опять такое впечатление, будто вымерло все кругом.

506

Королев сидел еще немного и вернулся в дом, но еще долго не ложился. В соседних комнатах шептались, слышалось шлепанье туфель и босых ног.

«Уж не опять ли с ней припадок?» — подумал Королев.

Он вышел, чтобы взглянуть на больную. В комнатах было уже совсем светло, и в зале на стене и на полу дрожал слабый солнечный свет, проникший сюда сквозь утренний туман. Дверь в комнату Лизы была отворена, и сама она сидела в кресле около постели, в капоте, окутанная в шаль, непричесанная. Шторы на окнах были опущены.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Королев.

— Благодарю вас.

Он потрогал пульс, потом поправил ей волосы, упавшие на лоб.

— Вы не спите, — сказал он. — На дворе прекрасная погода, весна, поют соловьи, а вы сидите в потемках и о чем-то думаете.

Она слушала и глядела ему в лицо; глаза у нее были грустные, умные, и было видно, что она хочет что-то сказать ему.

— Часто это с вами бывает? — спросил он.

Она пошевелила губами и ответила:

— Часто. Мне почти каждую ночь тяжело.

В это время на дворе сторожа начали бить два часа. Послышалось «дер... дер...», и она вздрогнула.

— Вас не беспокоят эти стуки? — спросил он.

— Не знаю. Меня все тут беспокоит, — ответила она и задумалась. — Все беспокоит. В вашем голосе мне слышится участие, мне с первого взгляда на вас почему-то показалось, что с вами можно говорить обо всем.

— Говорите, прошу вас.

— Я хочу сказать вам свое мнение. Мне кажется, что у меня не болезнь, а беспокоюсь я и мне страшно, потому что так должно и иначе быть не может. Даже самый здоровый человек не может не беспокоиться, если у него, например, под окном ходит разбойник. Меня часто лечат, — продолжала она, глядя себе в колени, и улыбка застенчиво, — я, конечно, очень благодарна и не отрицаю пользы лечения, но мне хотелось бы поговорить не с доктором, а с близким человеком, с другом,

507

который бы понял меня, убедил бы меня, что я права или неправы.

— Разве у вас нет друзей? — спросил Королев.

— Я одинока. У меня есть мать, я люблю ее, но все же я одинока. Так жизнь сложилась... Одинокие много читают, но мало говорят и мало слышат, жизнь для них таинственна; они мистики и часто видят дьявола там, где его нет. Тамара у Лермонтова была одинока и видела дьявола.

— А вы много читаете?

— Много. Ведь у меня все время свободно, от утра до вечера. Днем читаю, а по ночам — пустая голова, вместо мыслей какие-то тени.

— Вы что-нибудь видите по ночам? — спросил Королев.

— Нет, но я чувствую...

Она опять улыбнулась и подняла глаза на доктора и смотрела так грустно, так умно; и ему казалось, что она верит ему, хочет говорить с ним искренно и что она думает так же, как он. Но она молчала и, быть может, ждала, не заговорит ли он.

И он знал, что сказать ей; для него было ясно, что ей нужно поскорее оставить пять корпусов и миллион, если он у нее есть, оставить этого дьявола, который по ночам смотрит; для него было ясно также, что так думала и она сама и только ждала, чтобы кто-нибудь, кому она верит, подтвердил это.

Но он не знал, как это сказать. Как? У приговоренных людей стесняются спрашивать, за что они приговорены; так и у очень богатых людей неловко бывает спрашивать, для чего им так много денег, отчего они так дурно распоряжаются своим богатством, отчего не бросают его, даже когда видят в нем свое несчастье; и если начинают разговор об этом, то выходит он обыкновенно стыдливый, неловкий, длинный.

«Как сказать?» — раздумывал Королев. — Да и нужно ли говорить?»

И он сказал то, что хотел, не прямо, а окольным путем:

— Вы в положении владелицы фабрики и богатой наследницы недовольны, не верите в свое право и теперь вот не спите, это, конечно, лучше, чем если бы вы бы-

508

ли довольны, крепко спали и думали, что все обстоит благополучно. У вас почтенная бессонница; как бы ни было, она хороший признак. В самом деле, у родителей наших был бы немыслим такой разговор, как вот у нас теперь; по ночам они не разговаривали, а крепко спали, мы же, наше поколение, дурно спим, томимся, много говорим и все решаем, правы мы или нет. А для наших детей или внуков вопрос этот, — правы они или нет, — будет уже решен. Им будет виднее, чем нам. Хорошая будет жизнь лет через пятьдесят, жаль только, что мы не дотянем. Интересно было бы взглянуть.

— Что же будут делать дети и внуки? — спросила Лиза.

— Не знаю... Должно быть, побросают все и уйдут.

— Куда уйдут?

— Куда?.. Да куда угодно, — сказал Королев и засмеялся. — Мало ли куда можно уйти хорошему, умному человеку.

Он взглянул на часы.

— Уже солнце взошло, однако, — сказал он. — Вам пора спать. Раздевайтесь и спите себе во здравие. Очень рад, что познакомился с вами, — продолжал он, пожимая ей руку. — Вы славный, интересный человек. Спокойной ночи!

Он пошел к себе и лег спать.

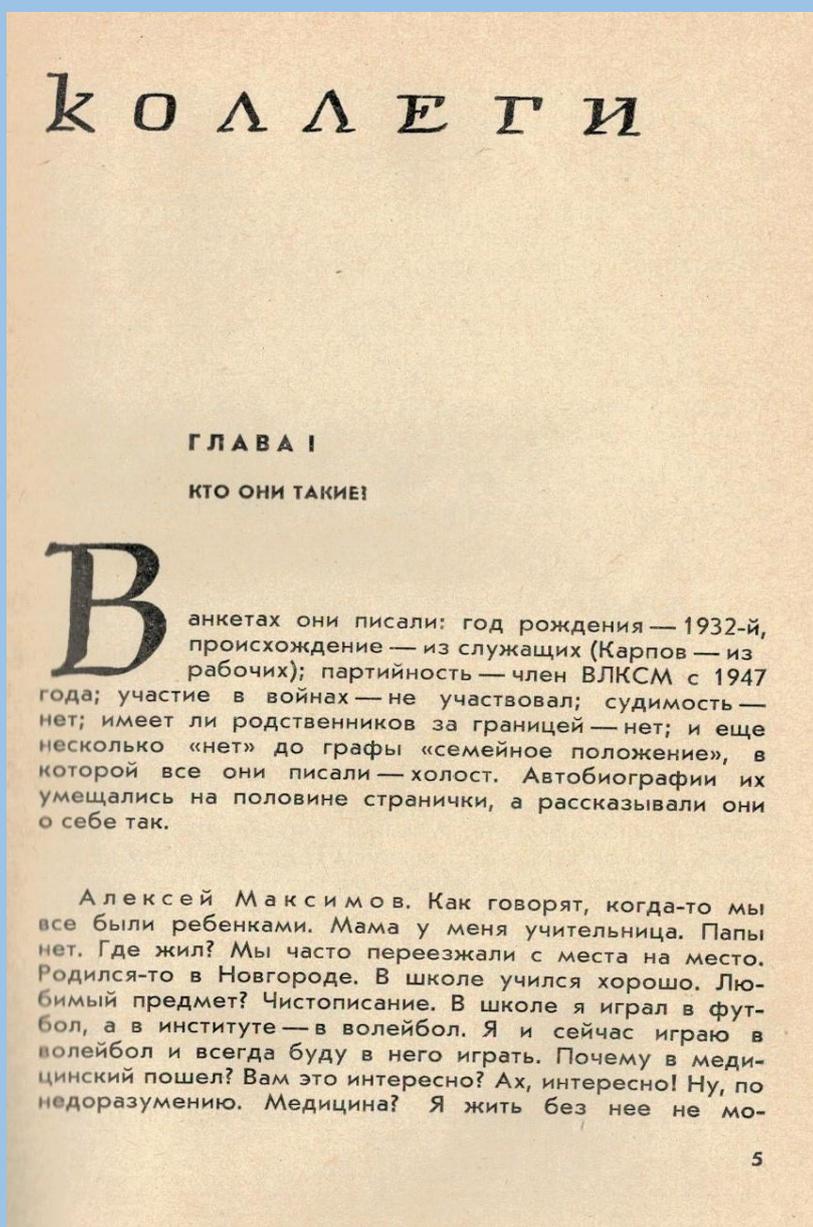
На другой день утром, когда подали экипаж, все вышли на крыльцо проводить его. Лиза была по-прежнему в белом платье, с цветком в волосах, бледная, томная; она смотрела на него, как вчера, грустно и умно, улыбалась, говорила и все с таким выражением, как будто хотела сказать ему что-то особенное, важное, — только ему одному. Было слышно, как пели жаворонки, как звонили в церкви. Окна в фабричных корпусах весело сияли, и, проезжая через двор и потом по дороге к станции, Королев уже не помнил ни о рабочих, ни о свайных постройках, ни о дьяволе, а думал о том времени, быть может, уже близком, когда жизнь будет такой же светлой и радостной, как это тихое, воскресное утро; и думал о том, как это приятно в такое утро, весной, ехать на тройке, в хорошей коляске и греться на солнышке.

509

Аксенов, В. Коллеги : повесть //Аксенов, В. Жаль, что вас не было с нами : повести и рассказы - Москва : Советский писатель, 1969. - С. 5 – 203.

«Человеку очень важно знать простейшую вещь – свое значение и назначение в обществе. Тогда у него появится настоящее отношение к труду. Тогда он будет жить полной жизнью».

В повести друзья – сначала студенты, а потом уже и молодые врачи хотят поскорее посвятить себя избранной профессии и отдать полученные знания людям.

«Мы в ответе не только перед своей совестью, но и перед всеми людьми ...»

Алексей Максимов. Как говорят, когда-то мы все были ребенками. Мама у меня учительница. Папы нет. Где жил? Мы часто переезжали с места на место. Родился-то в Новгороде. В школе учился хорошо. Любимый предмет? Чистописание. В школе я играл в футбол, а в институте — в волейбол. Я и сейчас играю в волейбол и всегда буду в него играть. Почему в медицинский пошел? Вам это интересно? Ах, интересно! Ну, по недоразумению. Медицина? Я жить без нее не мо-

гу. А какого черта вы меня все спрашиваете, словно начальник отдела кадров? Я грубиян? Идите вы знаете куда!

Владислав Карпов. Мальчик, если вы не видели Черного моря, вы ничего не видели. Мой папа — рыбак. Любите колченую скумбрию? Знаете, есть такая песенка:

Поцелуй, поцелуй, Перепелюга,
я тебя так безумно люблю.
Если любишь колченую скумбрию,
я тебе ее доставлю хоть вагон.

Да, конечно, я спортсмен. Разве не видно? Всеми видами спорта. Больше всего люблю бильярд. А вы? Сыграем как-нибудь? Вы сами откуда? Любите танцевать? Вы мне нравитесь, чтоб я так жил. Приезжайте к нам — не пожалеете. Черное море — это что? Поэма! Значит, до скорого.

Александр Зеленин. Да, я коренной ленинградец. Пройдите сюда, в столовую. Видите на стене эти старинные дагерротипы? Это мои предки. Вот магистр философии Петербургского университета, а этот — известный путешественник, а этот в Шлиссельбурге сидел по делу о покушении. Ничего, что я ими немножко горжусь? Потом у нас пошли все врачи. И папа мой врач, и мама тоже, и я, как известно, врач без пяти минут. Да, я не только люблю медицину, но считаю профессию врача самой нужной на свете. А какой она дает кругозор! Вы знаете, я чувствую, что с каждым годом начинаю лучше понимать людей и с физиологической и с психологической стороны. Я очень доволен своей профессией. Жалко только, что скоро придется уезжать из Ленинграда. Не могу представить, что больше не буду бродить по Большому проспекту и по набережной, любоваться закатом, когда, знаете, все окна в Эрмитаже вспыхивают малиновым светом... Но что делать? Ведь это же, как говорится, наш долг. Ну что ты смеешься, Алексей? Всегда он, знаете ли, вот так.

От автора. Алексей Максимов — мрачный и рез-

кий. Вечно он что-то такое изображает. Владислав Карпов — из тех, кого характеризуют двумя словами: «свой парень». Иногда добавляют: «свой в доску». Любимец девочек, гитарист. Александр Зеленин — немного смешной, порывистый, очень вежливый, очень прямой, очень приятный человек.

Их дружба началась на первом курсе. Иногда удивляются дружбе совершенно разных людей, но по-настоящему дружить могут только разные люди. Между людьми сходных характеров и темпераментов неизбежны резкие столкновения и неизбежен разрыв. У этой тройцы вдумчивость Зеленина и его пылкая искренность как бы уравновешивали довольно наигранный цинизм Максимова и легковесность Владки Карпова.

Вот они какие.

И сейчас, весной 1956 года, они идут втроем против ветра и думают все об одном.

ИХ МЫСЛИ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ

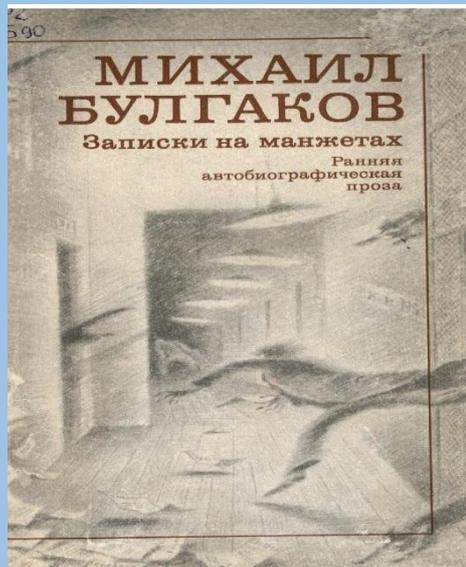
— Откуда это, Сашка, в тебе такая идейность? — сердито спросил Алексей Максимов. — Тоже мне загнул — экзамен наших душ!

— Так оно и есть! — воскликнул Зеленин.

— Черта с два! Распределение — это принудительный акт. И каждый культурный человек, естественно, рассчитывает, как бы увильнуть от жизни в глуши и не прерваться в животное.

— Чушь! Геологи годами бродят в тайге и не превращаются в животных.

— Геологи! Геологам лафа. Они уходят партиями, все молодежь, весело. А нас что ждет? Думаешь, я боюсь отсутствия электричества и теплого клузета? Ерунда все это! Я готов... А вот представь себе участковую больницу. Деревенька, степь или лес, ветер свищет, и ты один, совершенно один. Кончил работу, поел, поспал, и ты в угол — и спать. Проходят годы, ты толстеешь, глупеешь, начинаешь принимать приношения благодарных пациентов, мысли твои заняты курочками, свиношками, и тебе уж больше ничего не надо, и ты уже со снисходительной улыбкой вспоминаешь об этом разговоре.

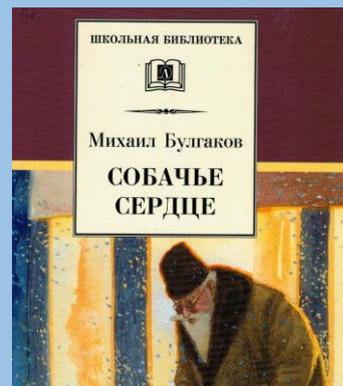

Булгаков, М. А. Необыкновенные приключения доктора : рассказ //Булгаков, М. А. Записки на манжетах. Ранняя автобиографическая проза. Москва: Художественная литература, 1989. – С. 73-83.

Во время гражданской войны власть менялась очень часто и врача призывали на службу все армии, захватывающие Киев. «Меня мобилизовала пятая по счету власть». Он ненавидел войну, хотел сбежать, но не мог, потому что самоотверженно лечил раненых.

Булгаков, М. А. Записки юного врача : рассказы /Булгаков, М. А. Собачье сердце : повести и рассказы. Москва : Детская литературы, 2003. – С. 323-358.

Ответственность за здоровье и жизни людей заставляли рядового сельского доктора ездить и в пургу, и в ночь по полям и лесам на вызов к больным и умирающим.

ПРИГОВОР

ЛИРИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

*Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просия над чьим мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходит.*

А. Фет

1

Одному иностранцу по просьбе его личной и по просьбе Иностранной комиссии я показывал Троице-Сергиеву лавру. Иностранец был известный, высокопоставленный, и в лавре его принял Патриарх всея Руси Алексей. Естественно, что и я оказался в патриарших палатах. Бутерброды с икрой, чашечки кофе. Кто пожелает — рюмочка коньяку.

Обычно на сопровождающее лицо не обращают внимания, если это просто переводчик, гид, расторопный и безмянный. Но случай особый: звук имени не пустой для русского слуха. Если патриарх только заинтересованно посмотрел на меня и благосклонно, одобрительно кивнул в знак того, что звук именно не пустой, то один из гостей патриарха, оказавшийся в палатах прежде нас, а теперь за столом оказавшийся справа от меня, стал

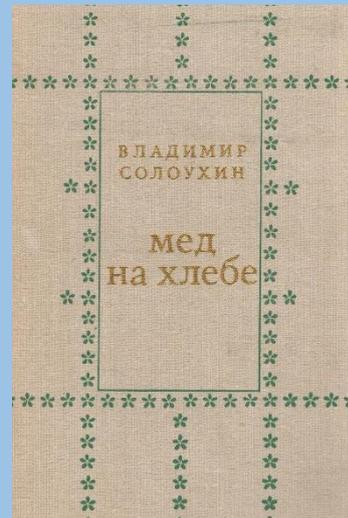
выражать самые бурные чувства, забыв на время про иностранца и, кажется, даже про патриарха.

— Как это вы про террор средь-то, а! (Он произнес «террор» вместо «террора».) Я читаю, кричу Татьяне Сергеевне: «Татьяна Сергеевна, Татьяна Сергеевна! Ты посмотри, как тут про террор среды написано!»

Это был человек лет семидесяти, но ему ни за что нельзя было бы дать его лет. Худосавый, спортивный, подвижный, живой в разговоре и в обращении, он сразу располагал к себе, с ним становилось легко, как с товарищем, несмотря на разницу в возрасте. При всем том он производил впечатление человека глубоко интеллигентного, да так оно и было на самом деле. Медицинское образование он получил в дореволюционном Московском университете, окончил его как раз в 1917 году. Это был крупнейший хирург, академик Борис Александрович Петров, почетный доктор многих зарубежных университетов и обществ, а по прямой своей должности — заведующий хирургическим отделением в Институте имени Склифосовского. Но возникает вопрос: как он оказался в патриарших палатах?

К патриарху при его жизни была очень близка семья Остаповых. Алексей Данилович, Людмила Владимировна и маленький Сережа. Однажды профессору Петрову позвонили из канцелярии патриарха. Ему передали просьбу Патриарха всея Руси немедленно выехать в Одессу (там есть летняя резиденция патриарха) и спасти женщину, которую могла вырвать из тисков смерти только срочная операция. «Чайка» домчала профессора Петрова и его ассистента до аэродрома, где ждал самолет с заведенным мотором. Меньше чем через два часа они оказались в Одессе, где их снова ждала быстроходная «Чайка». Операция прошла успешно, и Борис Александрович был провозглашен спасителем Людмилы Владимировны. С тех пор он каждый год получал приглашение в дом Остаповых на семейное торжество и, как правило, заодно получал аудиенцию у патриарха, в палатах которого состоялось, как видим, наше знакомство, сразу сделавшееся интересным и близким.

Петровы со своей машиной. Лавра иностранцу показана, и он отправлен в Москву. Татьяна Сергеевна ведет машину, а Борис Александрович с присущей ему живостью и с некоторой, тоже присущей ему эксцентричностью восклицает:

Солоухин, В.
Приговор :
лирическая
репортаж //Мед на
хлебе : повести и
рассказы, 1978. – С.
268-368.

В повести Солоухина раскрывается этическая сторона вопроса о том, чтоб не вселять в пациентов отчаяние по прогнозу течения болезни. Поскольку надежда дает силы для выздоровления.

ДОБРЫЙ ДОКТОР АЙБОЛИТ, ПРИМИ!..

А это произошло в польском городе Лодзи. В местной ветеринарной лечебнице работал врач Ежи Вилямовский, человек отзывчивый, любивший и людей и зверей.

Как-то приходит он на работу, смотрит, а у дверей лечебницы — собака, скулит, просится, чтоб ее впустили. Зачем? Пришла на прием к врачу! Не будет собака проситься зря. Доктор впустил ее в приемную, осмотрел и обнаружил острое воспаление уха. Бедняга! Наверное, ей было очень больно, ведь воспаление уха — болезнь весьма неприятная. Поневоле заскулишь!

У доктора Ежи золотые руки и отзывчивое сердце. Он сделал легкую операцию. Собака не сопротивлялась, прислушиваясь к тому, как тонкие докторские пальцы прикасаются к ее коже.

— Больно, Шарик? Потери немного.

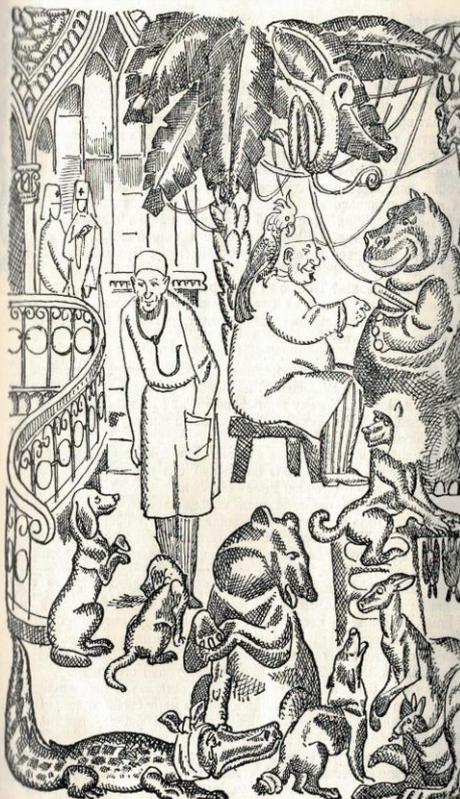
И голос у доктора добрый, негромкий, успокаивающий. После того, как на экранах кинотеатров и по телевидению прошел фильм «Четыре танкиста и собака» о приключенцах в годы второй мировой войны четырех верных друзей и их смелого помощника овчарки Шарика, в Польше всех собак стали звать этой простонародной русской кличкой. Какая бы собака ни была — большая, маленькая, черная, белая, гладкая, косматая, породистая или дворняжка, — все Шарик! Полюбили Шарик.

— Молодец, Шарик, бардзо добже (очень хорошо)..

Боль прошла, Шарик перестал поскуливать.

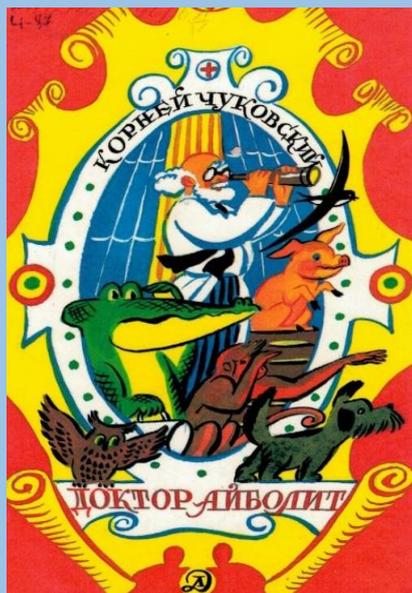
Когда большая псина успокоилась совсем, стала веселой, доктор, покормив, отпустил ее на улицу. Пациентка ушла. Доктор, стоя у дверей, долго смотрел ей вслед. Право, он чувствовал себя так, как будто помог человеку. На душе было легко.

Каково было удивление доктора Ежи, когда на следующее утро он снова увидел дворнягу у дверей своей лечебницы. Шарик дружески

Рябинин, Б.
Добрый доктор
Айболит,
прими! Рассказ
//Рябинин, Б.
Чудеса в решете. –
Свердловск, 1975.
– С. 22-24.

У Доктора отзывчивое сердце и он лечит даже дворняжек.

Чуковский, К. Доктор Айболит: сказка/ По мотивам Г. Лифтинга; рис. В. Дувидова . – Москва: Детская литература, 1988. – 94 с. ил. – (Школьная б-ка для нерусских школ).

С детства всех учат не бояться докторов, потому что они добрые и всем помогают.

Фото выставки в библиотеке СКИиК

Материал подготовила Г. С. Шутова